

«А ВЕЧЕН ВСЕ ЖЕ ТОПОЛИНЫЙ ПУХ...»

Как складывается судьба поэта, никто объяснить не может. Что важнее всего? Биография, сфера общения, образование, талант? У каждого поэта все это имеется и все это почва. Однако есть все это и у обычных людей, вовсе не поэтов. Стимул к творчеству, конечно, содержится в характере поэтических способностей, в чувстве слова, в особом образном мышлении, в тяготении к «своему» материалу, ощущаемому как пространство собственной души, собственного

интеллекта. Но и это еще не все. Есть какое-то шестое чувство, вызывающее у одаренной личности постоянную, не всегда даже осознанную, рефлексию на мир, реакцию, заставляющую откликаться одинаково чутко и на то, что творится вокруг, и на собственное восприятие своей же реакции. Только такой диалог мира и поэта способен породить «второе» мироздание, образное мышление, метафору жизни, создающую поэзию. А если поэт – женщина? Ее путь намного сложнее. Она должна преодолеть те предрассудки, которые, хотим мы того или нет, всегда присутствуют во взглядах на занятия женщин. По крайней мере, ей надо отстаивать свое право на полноценное восприятие всего того, что она делает, на то, что она может писать стихи не только о любви, о природе или о детях, но и о великих проблемах бытия, о философских идеях, о творчестве, о судьбе. И хорошо, если, взявшись за такое дело, женщина-поэтесса не старается отбросить свою женственность и мировые проблемы решает сквозь свой женский опыт.

Это маленькое рассуждение понадобилось нам для того, чтобы обратиться к творчеству Елены Львовны Ивановой, чей жизненный и творческий путь характеризуется движением именно к утверждению такой поэтической авторской позиции. Она твердо укрепляется в своем рефлексивном обобщении жизненно-философских рассуждений женщины с нелегкой судьбой и самостоятельностью убеждений, женщины, проживающей общую со своей страной и со своим народом дорогу и остающейся в то же время самой собой. Она хорошо понимает, какую ответственность берет на себя, останавливаясь на этом выборе, но таково ее «шестое чувство», такова ее рефлексия. Поэтому ее поэзия – это сложный и довольно мучительный процесс, в котором все присутствует, все темы, все эмоции, и при этом создается общий эмоциональный контекст, многоступенчатый и сложный, отличающийся каким-то болезненно-бунтарским характером самоутверждения. В стихах поэтессы ясно выражено, как нелегок и долог был путь.

Что делал, Он прекрасно знал,
Допрежь пера вручив мне заступ.
И мой магический кристалл
В трудах, в борьбе возрос гораздо.
Я не скажу, что далеко.
Что дальше всех теперь я вижу,

И не скажу, что жить легко.
Но Небо стало как-то ближе.

Биография Елены Львовны Ивановой прямо определяется прожитым ею временем. Родилась, когда началась Великая Отечественная война, в рабочем поселке на Брянщине. Что это значит, понятно всем. В предисловии к последнему сборнику своих стихов поэтесса вспоминает, как совсем маленьким ребенком видела казни, расстрелы партизан и мирных жителей. В памяти осталась сосна на опушке, ставшая виселицей. Но детская память больше хранит светлое. Жизнь начиналась там, где природа дарит радость. «Май, нежная зелень листвы на распускающихся липах, крупный щавель в густой траве, и никто его не рвет, никто не обдирает листву и кору с липок, и можно по траве просто бегать, прыгать, кувыркаться!..» Все дальнейшее творчество Е. Ивановой – органичное соединение печали и радости, скорби и преодоления. В радости ее всегда просвечивает нотка грусти, а в грусти – упрямство оптимизма.

Что ж, пора мне, прощай! Я подолгу
У земного не греюсь огня.
Погостила – и снова в дорогу.
Обними на прощанье меня!

Чересчур я строга для бедовых,
Для румяных смеющихся уст.
В снежном царстве моем заколдован
Каждый тронутый инеем куст.

И в стеклярус одет каждый прутик.
Все – звенит! Все – поет! Все – мое!
И повсюду со мною мой спутник,
Хоть никто не видал пас вдвоем.

Чьи, не знаю, мне встретятся очи,
Как не знает во поле метель,
Для кого она вьюжною ночью
Белым-белую стелет постель...

Учеба на факультете журналистики МГУ наложила глубокий отпечаток на мировоззрении поэтессы и на ее вкусах и пристрастиях. Классический университет дает прочное понимание ценностей, в том числе и ценности русской классической поэзии. В этом смысле ориентиры творчества Е. Ивановой очень четкие. Она сама их не только признает, но и декларирует как глубокую приверженность к непреодоленному образцу. И

действительно, ее стихи читаешь как что-то давно знакомое, только на свою, новую тему. Эта сторона поэзии Е. Ивановой представляется особенно значимой. Во-первых, так она отвечает на сегодняшний актуальный вопрос – не ушла ли в прошлое классика русской литературы. Нет, не ушла, если ее любить, если видеть в ней свои корни, если сегодняшнюю поэзию понимать не как стремление непременно придумать что-нибудь эдакое новенькое (а это новенькое не всегда хорошее, чаще – просто искажение прошлого) и не как изобретение небывалых форм с набором подзаборной лексики. Человек остается прежним в своих чувствах, хоть жизнь и предлагает множество вариантов ранее не пережитого, не изведенного. Но все это переживается теми же чувствами как в положительном, так и в отрицательном проявлении, только вот отрицательных появляется, к сожалению, все больше. Е. Иванова сумела, не подражая, пойти вслед классикам. Во-вторых, как представляется, она шла к творческому общению с классикой долго и достигла его уже будучи вполне зрелым человеком. Это видно, если сравнить ранние сборники с последними, где отчетливые реминисценции из стихов наших великих поэтов, от Пушкина до Рубцова, включая Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Есенина и др., дают эффект сопереживания с ними в тех случаях, когда сама жизнь вызывает необходимые ассоциации. Сами лирические сюжеты извлекают в генетической памяти строчки, приемы из классической поэзии, и это получается органично. И очевидно, что меру ответственности за такое родство Елена Иванова хорошо понимает. Став на путь классической традиции, она остается ей верна. Поэтому и тематика ее поэзии включает в себя все окружающее: и мир природы, и любовь, и родину, и мотивы судьбы, счастья, стремления, и смысл творчества, и смысл бытия, и катастрофические настроения. При этом она почти всегда выходит на уровень метафорических обобщений, как бы ставя на содержании своих стихов долгое многоточие.

В окне заката рдеют угли,
И время – медленной рекой...
Не тронут каменные джунгли
Мой огнедышащий покой.

Никто не может за другого
Взять лиру, прочь отбросив меч.
Чтоб из блажного – всеблагого
Звук гармонический извлечь.

Перед закатною чертою
Есть помолчать тебе о чем,
И насладиться красотой,
И попрощаться с тем лучом.

Жизнь предстает в стихах Елены Ивановой одновременно и как вечность, и как смена поколений. То и другое едины. Радость детства - это радость вечности. Она уходит с возрастом, но напитанная ею зрелость знает, для чего надо жить. Поэтому стихи о дочери, о внучке одновременно трогательны и печальны. Тем более, что в них вторгается явный биографический момент, связанный с такой бедой, для которой нет слов, а есть только глубокое застывшее молчание, навсегда оставшееся в душе.

Горько плакать без плача, без звука –
Это можно. Да как же? Скажу.
«Глянь-ка, сколько начистила луку!» –
Внучке, слезно смеясь, покажу.
Пусть она ничего не заметит,
Пусть и вправду поверится ей,
Будто стряпала бабка котлеты,
Плача от кулинарных затей.
Пусть печаль ее сердца не точит,
Без того наша жизнь нелегка:
Жить ей, словно без ветки листочку,
Мне – как ветке сухой без листка.

Расставанье – закон жизни. Но в этом законе трагическая нота – только часть. Другая сторона – память, и эта сторона сильнее, она ведет в ту самую вечность, соединяя мир людей с миром природы. Такие стихи отличает особая задушевность, они наполнены просветленностью, за которой не исчезает тень грусти. Все-таки мотив женственности, особая чувствительность, эмоциональная выразительность берет свое.

Где вы, любимые, родные?
Вас не увидеть, не обнять.
По одному в миры иные
Вы уходили. Не догнать!

В котором уголке вселенной
Теперь ты, близкая душа?
И по чьему ты повеленью
Ушла потупясь, не дыша?

Когда закат над косогором

Прольет зари прощальный свет,
Смиренно-отрешенным взором
Гляжу я солнышку вослед.

И столько грусти и тревоги
Мне дарит уходящий день,
Как будто бы по той дороге
Уходит в ночь родная тень.

Там, где переживание в стихах Елены Ивановой развивается в ясных, конкретных образах природы, они вызывают живой отклик, красивы без жеманства, живописны без излишества. И чувство в них идет из той классической традиции, о которой мы уже говорили и в которой о хорошем принято говорить, что оно хорошее, о плохом – что плохое, о прекрасном – с восторгом, о пороке – с презрением и ненавистью. Так происходит, например, в маленьком стихотворении «Лохмачи». Не все сейчас знают этот полевой цветок, он стал редок. Но он удивителен в сочетании пушистой зелени и яркого алого цвета.

Как будто видела воочью:
Заря рванула кумачи –
И по степи зарделись ключья –
Пионы эти, лохмачи.

Цветок слегка рукою трону,
И нежно ткнется мне в ладонь
В порыве трепетном поклонном
Прохладный бархатный огонь.

Денек-другой – и он угаснет,
Его горенья краток срок,
И оттого еще прекрасней,
Еще пленительней цветок.

Поэтический стиль Е. Ивановой отличается теплотой, ласковостью, укорененностью в народном мышлении, в народной речи. Не в той народной речи, которую мы слышим слишком часто в разнузданных словоизвержениях полуграмотных людей, а в той речи, которая хранит привычку к добру. «Ласточка моя», «зерно жемчужное», «я для солнца умою окно», «белым-белая постель», «природа-мать», «дождевики

реденькие» и т. д. Все это создает особое настроение в сочетании с чувством грусти и прорывами к воле-волюшке, звучащих во многих ее стихах.

В стихах поэтессы достаточно часты размышления о смерти, они довольно искренни, хотя и нельзя сказать, что это философские размышления. Как и все остальное, они больше эмоциональны, с некоторым надрывом, то с мыслью о полном высвобождении души, то с идеей приобщения к некой субстанции, в которую все возвращается, как в абсолютный дух, то с мучительным сожалением, то с мечтой о соединении с близкими людьми, то просто созерцательны. Последний вариант, пожалуй, лучший.

Рукой спокойно трогаю звезду,
Я, кажется, сумела пригодиться
Им, дорогим, оставшимся внизу.
Так пусть они хмелеют иногда
Средь трезвости земного оскуденья,
Когда, как лист кленовый, как звезда,
Я проплыву над ними светлой тенью.

Большинство стихов Е. Ивановой посвящено так называемым «вечным» темам. Это естественно для поэзии. Однако творчество поэтессы не проходит и мимо «сегодняшних» злободневных вопросов. И в них нежная и чуткая душа становится резкой, язвительной, непримиримой.

Вся нечисть вылезла наружу,
Совокупляется, смердит,
И мочит жертв в кровавой луже,
И к черту на рога летит!

Земля – район эфира спальный,
В котором бардака режим.
На этой свалке виртуальной
Мы все – безродные бомжи.

Как и века назад, поэтическое чувство возмущает парад сатанинского зла, неумиряющая пошлость, которая «правит последний бал», порочные звуки в волнах эфира. Душа поэта обращается к человеку, «царю природы», почти заклиная его опомниться и уберечь тот мир, который не только породил человека, но и выпестовал его, а теперь человек безжалостно его губит. «Ты истребил свои леса, Ты отравил земные воды, И оловянные глаза

Озер Мутнее год от года. Как инквизиции костры, Дымят повсюду грубы, домны, И вечной мерзлоты пласты Растаяли, В болотах топнут». И тогда возвращается к нам в стихах поэтессы шиллеровский, байронический и декабристский романтизм, вечное пророчество гибели пошлого и неразумного человеческого рода:

Пожав лишь плевел, а не злак,
Ты по миру пойдешь с котомкой,
Как отверженья злобный знак,
И проклянут тебя потомки!

Только по сравнению с восемнадцатым и девятнадцатым веками эта гневная тирада, увы, обретает реальный смысл. Да и будут ли потомки у такого человеческого рода? Выходом из катастрофической ситуации Елена Иванова предлагает возвращение к корням, к истокам, к русской деревне, к чистой воде, к младенческому крику, к еще не потерянной душе. Можно сказать, что все это не ново. Однако кто предложил что-нибудь лучшее? Тем более в поэзии, призванной не экономические вопросы решать, а повернуться лицом к человеку, к истине, к лучшим ценностям. А без них, как известно, никакая экономика, никакая политика до добра не доведут. И если говорить о вечности, то нет ее без пушинки с тополиного дерева.

Поэзия Елены Львовны Ивановой звучит современно, хотя и выстраивается на классических традициях. И надо уверенно сказать, что она стала зрелой и красивой поэзией, с яркими образами, без отложившихся стандартов, с серьезным интеллектуальным подтекстом. Читая ее, на некоторых стихах можно остановиться, чтобы задуматься, взвесить свое отношение к сказанному, а некоторые стихи можно воспринять легко и органично, как гармонию человеческого переживания, как свое.

Сборники стихов Е. Л. Ивановой стали выходить в свет с начала 1970-х годов. «Мелодия» (1971), «Росток» (1976), «За Десною-рекою» (1977), «Маврушин лук» (1981), «Трава не знает» (1985), «Ключи земные» (1991), «Озорная азбука» (1994, для детей), «Позывные любви» (2000, в серии «Писатели Ставрополя для школьников»), «Второе дыхание» (2006), «Вечный образ» (2008). Как всякий «рядовой» поэт, она всю жизнь сочетала творчество с работой где-то еще. Это, конечно, давало опыт, но и, соответственно, трудности. Сейчас она работает ведущим методистом государственного учреждения культуры «Ставропольский литературный центр». Возможность общения с людьми, близкими по духу, конечно, способствует оттачиванию поэтического пера. Но главное все же собственная дорога, собственный взгляд на жизнь, с которым этот человек вошел в поэзию и будет идти дальше.

Т. К. Черная, доктор филологических наук, профессор
Северо-Кавказского федерального университета

«Ставропольский хронограф» за 2011 год